

DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.023-032
УДК 902

К. Нордквист¹, В.-П. Херва², С. Санделл³

¹Университет Хельсинки, Финляндия

Helsingin yliopisto

Fabianinkatu, 24, Helsinki, 00014, Finland

E-mail: kerkko.nordqvist@helsinki.fi

²Университет Оулу, Финляндия

Oulun yliopisto

Pentti Kaiteran Katu, 1, Oulu, 90014, Finland

E-mail: vesa-pekka.herva@oulu.fi

³Хельсинки, Финляндия

Helsinginkatu, 14, Helsinki, 00500, Finland

E-mail: sarita.sandell@gmail.com

Вода в мировоззрении населения Северо-Восточной Европы в каменном веке

Статья посвящена изучению воды и водных объектов как сакральных элементов в культурах каменного века (в первую очередь неолита) северной части лесной полосы Восточной Европы на материалах, происходящих преимущественно с территории Северо-Запада России и Фенноскандии. Особая значимость воды и определенных водных элементов ландшафта, таких как реки, озера, болота, водопады и пороги, рассматривается в контексте древних практик помещения в природную среду предметов материальной культуры, в первую очередь каменных артефактов. Другим источником для освещения этой темы являются памятники наскального искусства, как в силу ландшафтной приуроченности этих объектов, так и благодаря представленным в них мотивам, параллели которым можно найти в этнографических материалах и фольклоре. Наконец, кратко рассматривается вопрос о разграничении «сакрального» и «профанного» при интерпретации культурных феноменов доисторической древности. Вода является важным элементом человеческого существования во многих аспектах, но водные объекты могут также быть опасными и непредсказуемыми. Таким образом, вода имела двойственное значение, и этому элементу окружающей среды в каменном веке мог придаваться соответствующий смысл.

Ключевые слова: анимизм, каменный век, космология, материальная культура, наскальное искусство, релятивистская онтология.

K. Nordqvist¹, V.-P. Herva², and S. Sandell³

¹University of Helsinki,

Helsingin yliopisto

Fabianinkatu, 24, Helsinki, 00014, Finland

E-mail: kerkko.nordqvist@helsinki.fi

²University of Oulu,

Oulun yliopisto

Pentti Kaiteran Katu, 1, Oulu, 90014, Finland

E-mail: vesa-pekka.herva@oulu.fi

³Helsinginkatu, 14, Helsinki, 00500, Finland

E-mail: sarita.sandell@gmail.com

Water and Cosmology in the Stone Age of Northeastern Europe

This paper explores water and watery places as sacred elements among the cultures of the northern boreal zone during the Stone Age, and especially the Neolithic period, through materials deriving from Northwestern Russia and Fennoscandia. The peculiarity and importance of water and certain watery environments, like rivers, lakes, bogs, waterfalls, and rapids, are discussed through

depositional practices of material culture, mainly lithic artifacts. Rock-art provides further tools for approaching the topic, not only through its locations in the landscape but also through its motifs, which allow parallels to be drawn to later ethnographical sources and folklore, too. Finally, the paper briefly touches upon the rationality behind making a strict separation between “sacred” and “mundane” when interpreting prehistoric cultural phenomena. Water was integral to human life in many different ways, but bodies of water and watery places could also be threatening and unpredictable. Therefore water would have been an ambivalent element, probably invested with significant cultural meanings in the Stone Age world.

Keywords: Animism, cosmology, material culture, relational ontology, rock-art, Stone Age.

Введение

Вода является сакральным элементом во многих культурах и религиях, и, по-видимому, в каменном веке также имела особую значимость. Она жизненно необходима человеку, но вместе с тем ассоциируется с опасностью и смертью. Вода играла важную роль в повседневной жизни охотников-собираателей каменного века во многих аспектах. Их поселения на рассматриваемых территориях в основном приурочены к береговым линиям. Это объясняется важностью водных объектов для системы жизнеобеспечения, а также для передвижения и перемещения грузов. Нахождение артефактов определенных категорий, таких как камни с отверстиями, на уровнях, которые были ниже уреза воды на тот период времени, к которому предположительно относится выпадение этих предметов из бытового контекста, обычно связывают с рыболовством [Edgren H., 1978, s. 1, 110]. Возможно, наиболее известным примером подобного рода является местонахождение Антреа на Карельском перешейке, где были обнаружены скопления грузил и остатки рыболовной сети [Pälsi, 1920]. Несчастные случаи, такие как переворачивание лодки на воде либо проламывание тонкого льда, также часто рассматриваются в качестве объяснений нахождения артефактов на таких уровнях. Подобным образом объясняется обнаружение нескольких целых глиняных сосудов в озерах и болотах [Edgren T., 1982, s. 44].

Многие артефакты, происходящие из водных объектов либо с участков, которые, как считается, были под водой в древности, связываются с ритуальным поведением. Такие находки рассматриваются в качестве приношений либо votivных даров, помещавшихся в специальные (связанные с водой) места для получения определенных благ или достижения успеха в деятельности (например, в промысле – удачная охота) [Huurre, 1991, s. 293]. Водные объекты и их элементы, в особенности берега, острова, водопады и пороги, родники, могли в древности восприниматься как сверхъестественные либо лиминальные [Goldhahn, 2002; Westerdahl, 2005; Rainbird, 2007, p. 12–13; Herva, Ylimaunu, 2014]. Смена времен года и другие изменения особенно заметны на берегах рек и водоемов. Очевидным примером являются разливы рек и наводнения. Но и более долгосрочные процессы, связанные с изменением береговых линий, трансгрессии

и регрессии, в первую очередь становятся заметны на берегах. Таким образом, частично практика помещения артефактов в природную среду может быть связана с попыткой предотвратить эти природные изменения.

В настоящей работе рассматриваются вода и водные объекты как сакральные элементы в культурах каменного века*, в первую очередь неолита (V–III тыс. до н.э.; периодизацию см.: [Nordqvist, 2018, гл. 3]), на археологических материалах, происходящих преимущественно с территории северо-запада России и Финноскандии. Значение воды и водных объектов исследуется на основании данных о практике помещения артефактов, прежде всего изделий из камня, в природную среду. Другим источником для освещения этой темы являются памятники наскального искусства, как в силу их ландшафтной приуроченности, так и благодаря мотивам петроглифов. Для получения сведений о традиционных представлениях о воде и водных объектах использованы поздние этнографические материалы и данные фольклористики. В работе кратко затрагивается проблема определения вещей и явлений как «сакральных» и «профанных» при интерпретации доисторических культурных феноменов.

Артефакты из рек и озер

Одним из способов приблизиться к пониманию культурной значимости водных объектов является изучение артефактов каменного века, случайно найденных на Карельском перешейке (Ленинградская обл., Российская Федерация) в конце XIX – начале XX в. (коллекции Национального музея Финляндии, Хельсинки). В качестве примеров в настоящей работе привлекаются находки, обнаруженные вблизи Лосевских порогов (Kiviniemi) и в окрестностях оз. Суходольского (Suvanto) между р. Вуоксой (Vuoksi) и Ладожским озером (Laatokka). В каменном веке бурная Лосевская протока соединяла древнее озеро в долине р. Вуоксы и крупный водоем (первоначально залив Ладожского озера), занимавший котловину современного оз. Суходольского. Однако вследствие хо-

*Доклад на эту тему был представлен на научной конференции «Археология сакральных мест России» (Соловки, 7–12 сент. 2016 г.) [Нордквист, Херва, Санделл, 2016].

зяйственной деятельности в XIX в. площадь этих водоемов значительно сократилась, а протока поменяла направление течения [Saarnisto, 2008, p. 137]. В результате проводившихся работ по осушению и расчистке под поля новых территорий было собрано большое количество случайных находок, относящихся к каменному веку.

В целом известно ок. 190 артефактов, происходящих из окрестностей деревень, которые расположены по берегам оз. Суходольского; из них ок. 50, согласно имеющимся сведениям, были найдены либо в воде, либо на осушенном озерном дне (табл. 1). Подавляющее большинство этих находок – шлифованные каменные орудия (топоры и тесла) или их фрагменты. Другие категории каменного инвентаря представлены единичными экземплярами, а керамика отсутствует. Состав анализируемого материала несколько не отличается от большинства случайных находок XIX – начала XX в.: в основном это крупные каменные артефакты.

Среди рассматриваемых единичных находок, несомненно, есть предметы, которые были просто обронены в воду в ходе повседневной хозяйственной деятельности, но есть и те, что попали в воду в результате «иррациональных» форм человеческого поведения. Крупные каменные орудия на древних поселениях, как правило, немногочисленны. Следовательно, большое количество таких предметов и разнообразие представленных типов, как и высотное положение мест их обнаружения, позволяет предположить существование важных практик, ведущих к выпадению артефактов из бытового контекста. Намеренное помещение предметов в воду, похоже, было весьма распространенным обычаем. Этот феномен, конечно же, не является специфическим лишь для рассматриваемых в настоящей работе территорий. К примеру, помещение предметов в воду практиковалось с каменного века до раннего Средневековья и позднее в Северной Европе и России [Larsson, 2011; Fredengren, 2015; Сериков, 2015].

Из окрестностей пос. Лосево происходит всего 31 случайная находка, из них пять предметов, согласно имеющимся сведениям, найдены непосредственно на Лосевских порогах. Как и в предыдущем случае, большинство находок являются каменными топорами и теслами, но представлены также фрагменты керамики и других артефактов. В целом можно с уверенностью сказать, что данное место привлекало людей: в результате недавно проведенных исследований в радиусе нескольких километров от порогов выявлено восемь археологических памятников каменного века [Nordqvist, 2013, s. 17–20]. Еще одним примером, заслуживающим упоминания, является другой порожистый участок р. Вуоксы – Тиверские пороги (Tiuri) в 20 км к северо-западу от Лосева. Согласно имею-

щимся сведениям, два артефакта (тесло и грузило) были найдены на самих порогах, несколько каменных топоров и тесел – ниже уреза воды в непосредственной близости от них. Общее количество случайных находок, происходящих из окрестностей Тиверска, достигает 60. Более 20 каменных артефактов было найдено ок. 100 лет назад при расчистке других порогов и рек на Карельском перешейке, в т.ч. на реках Волчьей (Saijanjoki), Веселой (Konnitsanjoki), Петровке (Petäjoki), Козловке (Kuhajoki), ручье Гусином (Hanhioja). Количество находок кажется не так велико, но следует принять во внимание, что все объекты найдены случайно, в ходе работ, не связанных с археологическими исследованиями, и, возможно, в коллекцию попали не все артефакты, изначально присутствовавшие на месте обнаружения. В процессе прочистки русла р. Пчелинки (Kannilanjoki) у пос. Климово (Ala Kuusaa) в 1930-х гг. было выявлено более 40 находок, включая каменные топоры и тесла, а также фрагменты керамики и несколько предметов, относящихся к железному веку [Takala, 2005, s. 88–104]. Дополнительные сведения о каменных артефактах, найденных на порожистых участках рек, представлены в научных публикациях. К примеру, имеются данные о нахождении более 100 каменных предметов на порядка 50 речных порогах в пров. Сатакунта в Западной Финляндии [Nuorteva, 1991, s. 293].

Водопады требуют отдельного рассмотрения в рамках данной темы. Одним из наиболее известных на северо-западе России является Кивач (Kivatsu), относящийся к гидросистеме р. Суны (Suunu) в Республике Карелии. Этот каменистый водоток с падением воды почти на 11 м отчетливо выделяется в окружающем ландшафте и, несомненно, оказывал большое впечатление и на людей каменного века (рис. 1). В ходе экспедиции финских ученых в конце XIX в. в окрестностях Кивача было найдено 18 каменных артефактов (помимо топоров и тесел, два наконечника стрел и точильный камень) [Pääkkönen, 1898; Nordqvist, Seitsonen, 2008]. Кроме того, семь единичных случайных находок из этой местности упомянуто в русской археологической литературе [Брюсов, 1940, с. 221; Кочуркина, 2007, с. 51]. Интересно отметить, что «ритуальное» использование многих таких артефактов продолжалось и в историческое время после их обнаружения: пять из этих предметов использовались в XIX в. в качестве амулетов – «громовых стрел» (об этом свидетельствуют царапины и рисунки на артефактах) (табл. 2). Подобные большие коллекции артефактов, собранные в XIX в. в Карелии, как правило, происходят с территорий крупных приходов или из деревень, расположенных по берегам озер, на которых в настоящее время известны поселения каменного века, таких как Сямозеро (Säämäjärvi). Из упомянутых 18 предметов как минимум 12 найдено на бере-

Таблица 1. Артефакты каменного века (случайные находки) из окрестностей оз. Суходольского

Коллекция	Тип предмета	Место нахождения	Год
1	2	3	4
КМ 263	Каменное кольцо	Лосево (Kiviniemi), поблизости от порогов	1857
КМ 782	Тесло	То же	1857
КМ 1062	»	»	1869
КМ 1922:29	Долото желобчатое	Неизвестная деревня на оз. Суходольском, устье реки	1878
КМ 1922:31	То же	Неизвестная деревня, берег оз. Суходольского	1878
КМ 1922:33	»	Запорожское (Koukkuniemi), берег оз. Суходольского	1878
КМ 1922:34	»	То же	1878
КМ 1922:35	Тесло	»	1878
КМ 1922:36	»	»	1878
КМ 1922:37	»	»	1878
КМ 2298:141	Топор	Запорожское (Kosela), осушенное дно оз. Суходольского	1884
КМ 2298:142	Тесло	То же	1884
КМ 2298:143	»	»	1884
КМ 2668:13	»	Запорожское (Kosela Eevala), осушенное дно оз. Суходольского	1889
КМ 2668:14	»	То же	1889
КМ 2668:15	»	»	1889
КМ 2668:16	»	»	1889
КМ 2668:17	Долото желобчатое	»	1889
КМ 2668:18	То же	»	1889
КМ 2668:19	»	»	1889
КМ 2668:22	Тесло	Громово (Sakkola), осушенное дно оз. Суходольского	1889
КМ 2668:23	»	То же	1889
КМ 2668:27	»	Запорожское (Uusanlampi), осушенное дно оз. Суходольского	1889
КМ 2668:29	»	То же	1889
КМ 2668:33	»	»	1889
КМ 2668:34	»	»	1889
КМ 2668:35	»	»	1889
КМ 2668:36	»	»	1889
КМ 2668:61	Каменное орудие	Пятиречье (Saaroinen), р. Вьун (Viisjoki)	1889
КМ 2836:4	Тесло с двумя лезвиями	Лосево (Kiviniemi), поблизости от порогов	1892
КМ 4912:1	Долото желобчатое	Луговое (Vaskela), осушенное дно оз. Суходольского	1907
КМ 4912:2	Тесло	То же	1907
КМ 5608:1	Боевой топор	Луговое или Запорожское (Vaskela или Kosela), осушенное дно оз. Суходольского	1910
КМ 5608:2	Киркообразное орудие	Неизвестная деревня, осушенное дно оз. Суходольского	1910
КМ 5650:4	Долото желобчатое	Громово (Sakkola) (?), затопленное береговое поле	1910
КМ 5685:1	Камень с отверстием (гру-зило)	Удальцово (Riiska), берег оз. Суходольского	1910
КМ 5707:1	Тесло с двумя лезвиями	Запорожское (Koukkuniemi), осушенное дно оз. Суходольского	1910
КМ 6008	Топор с отверстием	Луговое или Запорожское (Vaskela или Kosela), осушенное дно оз. Суходольского	1912
КМ 6068	Нож	Запорожское (Koukkuniemi), берег оз. Суходольского	1912

Окончание табл. 1

1	2	3	4
КМ 6086	Тесло	Луговое или Запорожское (Vaskela или Kosela), осушенное дно оз. Суходольского	1912
КМ 6376	»	Луговое (Vaskela), осушенное дно оз. Суходольского	1913
КМ 6381	Топор	Запорожское (Koukkuniemi), берег оз. Суходольского	1913
КМ 6621:1	Долото желобчатое	Луговое (Vaskela), осушенное дно оз. Суходольского	1914
КМ 6874	Стамеска	То же	1915
КМ 6919:1	Тесло	Неизвестная деревня, берег оз. Суходольского	1915
КМ 6969:1	Топор	Запорожское (Kosela), осушенное дно оз. Суходольского	1915
КМ 7091:1	Долото желобчатое	Запорожское (Koukkuniemi), осушенное дно оз. Суходольского	1916
КМ 7754:2	Топор с двумя лезвиями	Соловьёво (Terenttilä), осушенное дно оз. Суходольского	1920
КМ 7754:3	Стамеска	То же	1920
КМ 7901:66	Камень с отверстием (грузило)	Ольховка (Lapinlahti), среди камней на берегу	1920
КМ 8114	То же	Удальцово (Riiska), поле на берегу	1922
КМ 10826	Фрагменты керамики	Лосево (Kiviniemi), по порогам	1938
КМ 11410	Топор с отверстием	Громово (Sakkola), берег оз. Суходольского	1944

Примечания. Включены только артефакты, которые, согласно имеющимся сведениям, были найдены в воде либо на осушенном озерном дне. КМ – Национальный музей Финляндии (Хельсинки).

говой линии или ниже уреза воды. Таким образом, представляется очевидным, что по крайней мере некоторые из этих артефактов были помещены в воду намеренно.

Территория вокруг водопада в течение длительного времени оставалась археологически не исследованной, но в последние годы здесь было обнаружено 20 новых объектов, относящихся к мезолиту – энеолиту [Герман, Мельников, 2017]. Эти поселения, за исключением одного, расположены в нескольких километрах к югу от каскадов, на старых береговых террасах древнего залива Онежского озера. Некоторые случайные находки могут происходить из них (однако никакой информации нет), но многие, скорее всего, связаны с водопадами, особенно те, что найдены в воде.

Каменистые окрестности водопадов – не самые удобные места для обычных поселений. Причины, по которым артефакты помещались прямо в водопады, не являются самоочевидными, но подобное поведение предполагает наличие определенных специфических воззрений. Вполне возможно, что такие водные объекты, выделяющиеся на фоне природного окружения, привлекали людей каменного века, каким-то обра-

Рис. 1. Верхний участок водопада Кивач на р. Суне. Фото К. Нордквиста.

зом соответствуя их представлениям об общем мироустройстве, и подталкивали к совершению ритуальных действий. Водопады могли восприниматься как порубежье между «этим» миром и «потусторонним» миром сверхъестественных существ и сил, при их посещении люди испытывали множество разнообразных ощущений (сенсорные стимулы), в связи с чем такие места могли иметь совсем иную значимость,

Таблица 2. Каменные орудия (случайные находки) из окрестностей Кивача

Коллекция	Тип предмета	Место нахождения	Время обнаружения
ГЭ	Долото желобчатое	Кивач	XIX в.
ГИМ	Наконечник стрелы	»	XIX в.
»	То же	»	XIX в.
»	Топор	»	XIX в.
»	»	»	XIX в.
»	Каменное орудие	»	XIX в.
»	Неоконченный топор	»	XIX в.
КМ 3309:257	Тесло	Кивач, берег	1896 г.
КМ 3309:258	Камень с отверстием (грузило)	То же	1896 г.
КМ 3309:259	Киркообразное орудие*	Кивач, лес	1896 г.
КМ 3309:260	Тесло*	Кивач, берег	1896 г.
КМ 3309:261	Киркообразное орудие*	То же	1896 г.
КМ 3309:262	Тесло	Кивач, поле	1896 г.
КМ 3309:263	»	Кивач, лес	1896 г.
КМ 3309:264	»	То же	1896 г.
КМ 3309:265	Каменное орудие	Кивач, берег	1896 г.
КМ 3309:266	Киркообразное орудие	То же	1896 г.
КМ 3309:267	Топор	»	1896 г.
КМ 3309:268	»	»	1896 г.
КМ 3309:269	Топор*	Кивач, поле	1896 г.
КМ 3309:270	Киркообразное орудие	Кивач, берег	1896 г.
КМ 3309:271	То же	То же	1896 г.
КМ 3309:272	Киркообразное орудие*	»	1896 г.
КМ 3309:273	Киркообразное орудие	»	1896 г.
КМ 4259	Топор	Кивач, близко к водопадам	1903 г.

Примечания. КМ – Национальный музей Финляндии (Хельсинки), ГЭ – Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), ГИМ – Государственный исторический музей (Москва). Звездочкой отмечены предметы, которые позже использовались в качестве амулетов.

чем, к примеру, «обычные» реки или пороги. Обилием чувственных ощущений (визуальных, аудиальных и иных), возможно, обусловлено и размещение вблизи некоторых водопадов Северной Европы наскальных рисунков [Goldhahn, 2002, p. 49].

Объекты наскального искусства и погребения

Вода на протяжении тысячелетий являлась центральным элементом традиционной космологии и мифологии в Фенноскандии и Северо-Западной России. Концептуальная организация мироздания вокруг оппозиции море–земля даже рассматривается как ключевой космологический принцип в космогонии населения северной части Балтийского региона от каменного

века до недавнего прошлого [Westerdahl, 2005]. Вода является характерным элементом космогонических мифов, в первую очередь финно-угорских: по одной версии рождение мира произошло благодаря утке, нырнувшей на дно первозданного моря и поднявшей на поверхность грязь, из которой образовалась земля; по другой – земная твердь возникла из яйца водоплавающей птицы на мифическом острове посреди первозданного моря [Kuusi, Bosley, Branch, 1977, p. 522–523; Berezkin, 2010]. Эти космогонические мифы имеют интересные параллели в наскальном искусстве. Схожая идея о появлении земной тверди из яйца птицы, по-видимому, представлена в петроглифах на о-ве Большой Гурьев в восточной части Онежского озера [Lahelma, 2012, p. 27–28]. Важно отметить, что они расположены на скалистом острове, сложенном окатанными и блестящими коренными по-

родами, благодаря чему остров выглядит как скорлупа гигантского яйца. Рассматривая эту и другие особенности онежских петроглифов и контекста, в котором они находятся, А. Лахельма предположил, что скалы и острова, ассоциирующиеся с яичной скорлупой, могли актуализировать миф о происхождении земной тверди из яйца и «восприниматься как место рождения мира» [Ibid.].

Идея возникновения мира из первозданного моря соответствует, по крайней мере для Северо-Восточной Европы каменного века, реальным последним изменениям природной обстановки на прибрежных территориях. В результате подъема земной коры острова могли подниматься из моря, становиться больше, соединяться с материком и постепенно расти на возвышенных участках, превращаясь в холмы, более или менее выраженные в окружающем ландшафте. Поскольку вода и водные объекты могли связываться с потусторонним миром и со сверхъестественным, неудивительно, что острова часто использовались для погребений и ассоциировались со смертью в разных культурах [Bradley, 2000, p. 5; Rainbird, 2007, p. 12–15]. Наиболее ранние примеры на рассматриваемых территориях относятся к позднему периоду мезолита, самым заметным из них является Южный Олений остров на Онежском озере [Гурина, 1956]. Было также высказано предположение, что в каменном веке некоторые погребения совершались в воде. Это может объяснять малочисленность археологических данных о захоронениях рассматриваемой эпохи. Свидетельства существования практики помещения человеческих останков в водную среду не так давно были выявлены в Мотале (Швеция) [Hallgren, 2011]. Водные объекты ассоциировались со смертью и использовались для погребения и в более позднее время, о чем свидетельствуют человеческие останки, относящиеся к раннему и среднему железному веку, в болотах Северной Европы [Aldhouse-Gren, 2002] или в озерном могильнике Левянухта в Южной Остроботнии (Финляндия) [Wessman, 2009]. Многочисленные примеры захоронения на островах вплоть до недавнего прошлого также известны в Северо-Восточной Европе [Sarmela, 1994, s. 57; Шумкин, Колпаков, Мурашкин, 2006; Ruohonen, 2010].

Помимо космогонических элементов, наскальные изображения содержат иные признаки, связывающие их с водой. К примеру, лодки являются обычным сюжетом, так же как и сцены морской охоты в ряде регионов. Эти сюжеты рассматриваются некоторыми исследователями как отображение повседневной деятельности, но они могут иметь и скрытый смысл, представляя нечто помимо собственно изображенных объектов [Жульников, 2006, с. 113–115; Lahelma, 2008, p. 56–57; Gjerde, 2010, p. 145–150]. Расположение наскальных рисунков само по себе указывает на наличие

определенных ритуальных представлений, связывавшихся с водной средой. К примеру, петроглифы часто находятся вблизи уреза воды. Эта зона воспринималась как пограничная, где встречались разные миры (связанные с небом, землей и водой), и наскальные изображения «перемещались» между ними при изменении уровня воды [Helskog, 1999]. Возможно, некоторые петроглифы намеренно располагались так, что вода время от времени омывала или покрывала их. Это добавляло изображениям часть присущих им смыслов [Gjerde, 2010, p. 100–101].

Наскальные рисунки могли также рассматриваться как «интерфейс» между мирами и в ином смысле – как способ проникновения в другую реальность или в качестве «мембран» между разными измерениями [Lewis-Williams, Dowson, 1990; Lahelma, 2008, p. 59–60]. К примеру, некоторые образы финских писаниц, похоже, отображают шаманские практики, когда фигура шамана ассоциируется с рыбой, указывая на то, что места, посещаемые в состоянии измененного сознания, связывались с подводным миром [Lahelma, 2008, p. 52–56] – одной из сфер нижнего уровня трехчастного мира согласно представлениям северного шаманизма. Следует также отметить, что в традиционных финно-угорских фольклоре и космологии в озерах и иных водных объектах могли обитать волшебные существа. К примеру, для саамов определенные озера и озерки, называемые *сайва* (*sáiva*), были священными, населенными духами, а иногда воспринимались как переходы, позволяющие проникать в потусторонний мир [Sarmela, 1994, s. 58; Pentikäinen, 1995, s. 146–149; Сериков, 2015, с. 444–445].

Наличие представлений о том, что вода, с одной стороны, является обиталищем духов, а с другой – соединяет разные измерения реальности, позволяет предположить связь между наскальным искусством и практикой помещения предметов в водную среду. Действительно, известны случаи обнаружения артефактов в воде рядом с некоторыми местами петроглифов. Возможно, наиболее известным примером являются три янтарные подвески с изображением человеческого лица, найденные в воде непосредственно под писаницей Астувансалми на скалистом берегу оз. Юовеси в Восточной Финляндии [Grönhaugen, 1994]. Другой объект наскального искусства на территории Финляндии, где были найдены свидетельства ритуальных приношений (хотя и на суше, и датированные эпохой раннего металла), – Валкейсаари на оз. Сайма. На основании находок, указывающих на коллективные трапезы, было выдвинуто предположение о существовании в древности обрядов, аналогичных зафиксированным в исторических источниках обрядам саамов на священных местах, называемых *сейдаму* (*sieidi*) [Lahelma, 2006, p. 17] (рис. 2). Но есть

Рис. 2. Священное место саамов: сейд Таатси у оз. Таатсинярви в Киттиля, Северная Финляндия. Фото К. Нордквиста.

также множество других свидетельств человеческой деятельности, осуществлявшейся в непосредственной близости от петроглифов Северо-Восточной Европы, например, на Онежском озере и Белом море [Савватеев, 1977, с. 309–311; Лобанова, Филатова, 2015, с. 195–196].

Заключение: ритуальный и бытовой аспекты водной среды

Оппозиция сакрального и профанного в первую очередь является продуктом представлений западной цивилизации, сформировавшихся в эпоху Просвещения, и проецирование этих представлений на доисторические (и другие, не принадлежащие к западной цивилизации) культуры весьма проблематично – первобытные люди вряд ли понимали сакральное и профанное так же, как мы в настоящее время. В рамках широко распространенной анимистической и шаманистской космологии того времени «ритуальное» и «рациональное» было переплетено, поскольку понимание окружающего мира и того, как он функционирует, разительно отличалось от современного. Одним из путей осмысления мировоззрения неолитической эпохи является уяснение того, что мир людей каменного века был населен духами и другими нечеловеческими существами, с которыми человек взаимодействовал различными «ритуальными» и иными способами [Bird-David, 1999; Brown, Walker, 2008; Hervä, 2009; Holbraad, 2009]. Необычайные свойства приписывались не только воде и водным объектам, но и лесу, земле, различным материалам и артефактам и т.д. По-

этому четкое разделение культуры и природы или естественного и сверхъестественного не представляется возможным (это характерно и для более поздних традиционных северных космологий). Все было крайне тесно взаимосвязано, и само существование мира было основано на взаимодействии и отношениях между людьми и не людьми.

Верования и ритуальные практики каменного века, связанные с водой и водными объектами, следует рассматривать не как отдельные поверья или религиозные предрасудки и обряды, а как производное от особого восприятия всего мироздания и взаимодействия с ним. Помещение артефактов в водную среду, если и выглядит для нас чисто ритуальным и даже бессмыс-

ленным действием, могло быть обычным способом подготовиться к настоящему и будущему. Необходимо также подчеркнуть, что изначально вовсе не обязательно существовало четкое разграничение между повседневной и ритуальной деятельностью – они могли восприниматься как две стороны одной монеты. Изъятие предметов из бытового контекста и помещение их в природную среду, в т.ч. в водные объекты, могло быть утилитарным и малозначительным актом человеческого поведения, все же определявшимся и регулируемым социальными нормами и космологическими концепциями [Chadwick, 2012].

Часть приписывавшихся водной среде смыслов связана с физиологической необходимостью – человек не может функционировать без воды. Водные объекты составляли значительную долю системы жизнеобеспечения народов Севера в каменном веке, а водные пути (открытые либо замерзшие) определяли основные маршруты на многих территориях. Практически во всех культурах вода – очищающий элемент, это может пониматься и буквально, и метафорически. Вместе с тем штормы, наводнения и другие подобные явления определенно воспринимаются как деструктивные, потенциально опасные для жизни. К примеру, миф о всемирном потопе распространен по всей ойкумене. С водными объектами связаны также негативные поверья. Как уже указывалось выше, в фольклоре и мифологии финно-угорских и других северных народов болота, реки, родники, озера и пруды фигурируют в качестве переходов в потусторонний мир [Siikala, 1992, s. 163–164, 182; Сериков, 2015, с. 444–445]. Водные объекты использовались для наказаний и социального отторжения – туда могли буквально или фигурально помещаться нежелательные

личности и предметы [Siikala, 1992, s. 157–158]. Согласно фольклорным и историческим источникам, людей, умерших «плохой смертью» (например, в результате самоубийства, казни, пьяной драки, а также некрещенных младенцев, утопленников) хоронили за церковной оградой либо за пределами освященного участка. В некоторых регионах существовало поверье, что души утонувших людей навечно остаются скитаться безутешными [Sarmela, 1994, s. 60, 172–175; Pentikäinen, 1995, с. 215–216]. Очевидно, негативные свойства водной среды воспринимались не только как опасность для физического тела, но и как столь же значимая угроза для человеческой души. В фольклоре северных народов фигурирует значительное количество духов («подводных жителей»), иллюстрирующих двойственное восприятие воды. Одни из них благожелательны к человеку, другие недоброжелательны, а некоторые двойственны в своих устремлениях, внешнем виде и половой принадлежности, как, например, Водяная фея [Siikala, 1992, s. 182; Sarmela, 1994, s. 165–168].

Конечно же, примеры из фольклора и мифов, зафиксированных в исторических источниках, не могут быть использованы в качестве непосредственных аналогий для реконструкции мировосприятия и миропонимания людей каменного века, однако догадки, основанные на этнографических данных, позволяют выдвигать продуктивные идеи для выявления представлений, на которых, возможно, базировались практические действия древнего населения. Из сказанного не следует, что связанные с водой и водными объектами представления и деятельность были схожими повсеместно и во все времена. Мы лишь попытались обозначить альтернативные основания для интерпретации рассмотренных археологических находок и культурных явлений.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научного проекта «Использование сырья в Северо-Восточной Европе и ее неолитизация (ок. 6000–1000 гг. до н.э.)» («The use of materials and the Neolithisation of north-east Europe (c. 6000–1000 BC)») при поддержке Академии Финляндии и Университета Оулу, проект № 269066 (К. Нордквист и В.-П. Херва) и «Программа гуманитарных наук Хельсинкского университета» («Helsinki University Humanities Programme») (2018–2021) (К. Нордквист). Перевод с английского языка сделан научным сотрудником МАЭ РАН канд. ист. наук Д.В. Герасимовым.

Список литературы

Брюсов А.Я. История древней Карелии. – М.: ГИМ, 1940. – 320 с.

Герман К.Э., Мельников И.В. Археологические исследования в заповеднике «Кивач» в 2014–2016 гг. // Культурные процессы в циркумбалтийском пространстве в раннем и среднем голоцене: докл. междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения В.И. Тимофеева. Санкт-Петербург, Россия, 26–28 апр. 2017 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 181–186.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 429 с.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии: Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 222 с.

Кочкуркина С.И. Археологические памятники Карелии: каталог. – Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. – 198 с.

Лобанова Н.В., Филатова В.Ф. Археологические памятники в районе Онежских петроглифов. – М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2015. – 464 с.

Нордквист К., Херва В.-П., Санделл С. Вода и водные объекты как сакральные элементы в эпоху неолита–энеолита на Северо-Западе России // Археология сакральных мест России: тез. докл. науч. конф. с междунар. участием. Соловки, 7–12 сент. 2016 г. – Архангельск, 2016. – С. 25–30.

Савватеев Ю.А. Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. – Л.: Наука, 1977. – Ч. 2: Стоянки. – 323 с.

Сериков Ю.Б. К вопросу о сакральном использовании акватории озер и рек // Тверской археологический сборник. – Тверь: Триада, 2015. – Вып. 10, т. I. – С. 440–446.

Шумкин В.Я., Колпаков Е.М., Мурашкин А.И. Некоторые итоги новых раскопок могильника на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Зап. ИИМК РАН. – 2006. – Вып. 1. – С. 42–52.

Aldhouse-Gren M. Dying for the Gods: Human Sacrifice in Iron Age and Roman Europe. – Stroud: Tempus, 2002. – 240 p.

Berezkin Y. The Pleiades as Openings, the Milky Way as the Path of Birds, and the Girl on the Moon: Cultural Links across Northern Eurasia // Folklore. – 2010. – Vol. 44. – P. 7–34.

Bird-David N. 'Animism' Revisited: Personhood, Environment and Relational Epistemology // Current Anthropol. – 1999. – Vol. 40, N S1. – P. 67–91.

Bradley R. Archaeology of Natural Places. – L.: Routledge, 2000. – 177 p.

Brown L.A., Walker W.H. Prologue: Archaeology, Animism, and Non-Human Agents // J. of Archaeol. Method and Theory. – 2008. – Vol. 15. – P. 297–299.

Chadwick A.M. Routine Magic, Mundane Ritual: Towards a Unified Notion of Depositional Practice // Oxford J. of Archaeol. – 2012. – Vol. 31, iss. 3. – P. 283–315.

Edgren H. Suomen kampakeraamisen kulttuurin reikäkivet. – Helsinki: Helsingin yliopisto, 1978. – 114 s.

Edgren T. Formgivning och funktion: En kamkeramikstudie. – Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1982. – 78 s.

Fredengren C. Water Politics: Wet Deposits of Human and Animal Remains in Uppland, Sweden // Fornvännen. – 2015. – Vol. 110. – P. 161–183.

Gjerde J.M. Rock Art and Landscapes: Studies of Stone Age Rock Art from Northern Fennoscandia. – Tromsø: Univ. of Tromsø, 2010. – 505 p.

Goldhahn J. Roaring Rocks: An Audio-visual Perspective on Hunter-gatherer Engravings in Northern Sweden and Scandinavia // Norweg. Archaeol. Rev. – 2002. – Vol. 35, iss. 1. – P. 29–61.

Grönhagen J. Ristiinan Astuvansalmi, muinainen kulttipaikkako? // Suomen Museo. – 1994. – Vol. 101. – S. 5–18.

Hallgren F. Mesolithic Skull Deposits at Kanaljorden, Motala, Sweden // Current Swed. Archaeol. – 2011. – Vol. 19. – P. 244–246.

Helskog K. The Shore Connection. Cognitive Landscape and Communication with Rock Carvings in Northernmost Europe // Norweg. Archaeol. Rev. – 1999. – Vol. 32, iss. 2. – P. 73–94.

Herva V.-P. Living (with) Things: Relational Ontology and Material Culture in Early Modern Northern Finland // Cambr. Archaeol. J. – 2009. – Vol. 19, iss. 3. – P. 388–397.

Herva V.-P., Ylimaunu T. Coastal Cosmologies: Long-term Perspectives on the Perception Understanding of Dynamic Coastal Landscapes in the Northern Baltic Sea Region // Time and Mind. – 2014. – Vol. 7, iss. 2. – P. 183–202.

Holbraad M. Ontology, Ethnography, Archaeology. An Afterword on the Ontography of Things // Cambr. Archaeol. J. – 2009. – Vol. 19, iss. 3. – P. 431–441.

Huurre M. Satakunnan kivikausi // Satakunnan historia 1. – Rauma: Satakunnan maakuntaliitto, 1991. – S. 85–323.

Kuusi M., Bosley K., Branch M. Finnish Folk Poetry: Epic. – Helsinki: Finnish Literature Society, 1977. – 607 p.

Lahelma A. Excavating Art. A 'Ritual Deposit' Associated with the Rock Paintings of Valkeisaari, Eastern Finland // Fennoscandia Archaeologica. – 2006. – Vol. XXIII. – P. 2–23.

Lahelma A. A Touch of Red: Archaeological and Ethnographic Approaches to Interpreting Finnish Rock Paintings. – Helsinki: Finnish Antiquarian Soc., 2008. – 77 p.

Lahelma A. Strange Swans and Odd Ducks: Interpreting the Ambiguous Waterfowl Imagery of Lake Onega // Visualising the Neolithic: Abstraction, Figuration, Performance, Representation. – Oxford: Oxbow Books, 2012. – P. 15–33.

Larsson L. Water and Fire as Transformation Elements in Ritual Deposits of the Scandinavian Neolithic // Documenta Praehistorica. – 2011. – Vol. XXXVIII. – P. 69–82.

Lewis-Williams D., Dowson T. Through the Veil: San Rock Paintings and the Rock Face // South African Archaeol. Bull. – 1990. – Vol. 45. – P. 5–16.

Nordqvist K. Kiviniemen seutu kivikaudelta keskiaikaan // Kuohuva Kiviniemi: Sakkolassa Karjalan kannaksella. – Lempäälä: Sakkola-säätiö, 2013. – S. 20–33.

Nordqvist K. The Stone Age of north-eastern Europe 5500–1800 calBC: Bridging the gap between the East and the West. – Oulu: Univ. of Oulu, 2018. – 164 p.

Nordqvist K., Seitsonen O. The Finnish Archaeological Activities in the Present-day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. – 2008. – Vol. XXV. – P. 27–60.

Pääkkönen L.V. Kesämatkoja Venäjän Karjalassa sekä hajanaisia kuvauksia Karjalan kansan nykyisyydestä ja entisyydestä. – Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys, 1898. – 257 s.

Pälsi S. Ein Steinzeitlicher Moorfund // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. – 1920. – Vol. 28, N 2. – S. 1–19.

Pentikäinen J. Saamelaiset. Pohjoisen kansan mytologia. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1995. – 408 s.

Rainbird P. The Archaeology of Islands. – Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2007. – 200 p.

Ruohonen J. Kuolleiden saaret: Historiallisen ajan keski-suomalaisen saarihautausmaiden luonne ja käyttö hautapaikkoina. // J@rgonia. – 2010. – Vol. 17. – S. 1–25.

Saarnisto M. Emergence History of Karelian Isthmus // Karelian Isthmus – Stone Age Studies in 1998–2003. – Helsinki: Finnish Antiquarian Society, 2008. – P. 128–139.

Sarmela M. Suomen perinneatlas. – Helsinki: Finnish Literature Soc., 1994. – 259 s. – (Suomen kansankulttuurin kartasto; N 2).

Siikala A.-L. Suomalainen šamanismi: Mielikuvien historiaa. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992. – 359 s.

Takala H. Äyräpään kihlakunnan esihistoria I: Muinaislöydöt 1847–1944. – Lahti: Vuoksen vartio, 2005. – 216 s.

Wessman A. Levänluhta: A Place of Punishment, Sacrifice or Just a Common Cemetery // Fennoscandia Archaeologica. – 2009. – Vol. XXVI. – P. 81–105.

Westerdahl C. Seal on Land, Elk at Sea: Notes on and Applications of the Ritual Landscape at the Seaboard // Intern. J. of Nautical Archaeol. – 2005. – Vol. 34. – P. 2–23.

*Материал поступил в редколлегию 07.04.18 г.,
в окончательном варианте – 16.09.18 г.*